
ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ

1869—1871 г.

Истекшее десятилѣтіе было для Россіи не только эпохой преобразованій, но и эпохой политическихъ процессовъ. Съ самаго 1861-го года они слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно, — то въ широкихъ, то въ небольшихъ размѣрахъ, то въ центрѣ, то на окраинахъ государства. Какъ ни характеристиченъ, какъ ни важенъ этотъ фактъ, русское общество долго было лишено возможности опредѣлить его значеніе, изслѣдовать его причины. До судебной реформы, тайна, покрывавшая политическіе процессы, была почти безусловна; общество узнавало, и то не всегда, только о результатѣ дѣла; судебное производство и даже приговоръ суда могли быть ему извѣстны только по слухамъ. Процессъ 1866-го года разбирался верховнымъ уголовнымъ судомъ по правиламъ новыхъ судебныхъ уставовъ, но при закрытыхъ дверяхъ; обнародованъ былъ только приговоръ суда. Гласное разбирательство политическаго дѣла было допущено въ первый разъ въ нынѣшнемъ году — и уже одно это обстоятельство придаетъ большое значеніе процессу, называемому обыкновенно «нечаевскимъ» дѣломъ. Правда, гласность производства этого дѣла была ограничена особыми условіями; газетамъ было разрѣшено только перепечатывать отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они излагались «Правительственнымъ Вѣстникомъ» — а это изложеніе далеко не всегда отличалось точностью и полнотою; нѣкоторые отдѣлы процесса (напримѣръ, все касающееся категоріи недоносителей) вовсе не появились въ печати, даже резолюціи суда, по нимъ состоявшіяся, не были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе;

другіе отдѣлы (напримѣръ, отчетъ о третьей категоріи) подверглись весьма значительнымъ сокращеніямъ; наконецъ — что всего важнѣе и всего удивительнѣе — приговоръ палаты до сихъ поръ не обнародованъ, и мы начинаемъ терять надежду видѣть его въ печати. Къ счастью, всего полнѣе и правильнѣе изложены именно важнѣйшія — первыя двѣ — части процесса, дающія богатый матеріалъ для изученія неизвѣданныхъ сторонъ нашей современной дѣйствительности. Безпристрастная разработка этого матеріала составляетъ въ настоящую минуту одну изъ самыхъ важныхъ задачъ русской журналистики. Еще недавно для нея было возможно только двойное отношеніе къ политическимъ преступленіямъ и преступникамъ: или безграничное негодованіе, беспощадное осужденіе — или глубокое молчаніе, которое, при извѣстной обстановкѣ, могло однако быть не совсѣмъ безопаснымъ. Теперь она свободна по крайней мѣрѣ настолько, что можетъ говорить о политическомъ процессѣ, сохраняя спокойствіе мысли и не впадая въ условно-патетическій тонъ, — и она должна пользоваться этой свободой.

I.

Чѣмъ неприятнѣе и мрачнѣе извѣстное явленіе общественной жизни, тѣмъ легче появляется и тѣмъ упорнѣе держится въ обществѣ желаніе найти для него какое-нибудь готовое, разъ навсегда годное объясненіе, на которомъ можно было бы успокоиться и остановиться. Отыскивать корень зла и средства къ его излеченію — и трудно, и неудобно; гораздо проще приписать его случайному стеченію обстоятельствъ или отдѣльному факту, соединенному съ нимъ чисто-внѣшнею связью. Еще недавно большинство юристовъ и государственныхъ людей объясняли всѣ преступленія злою волей, испорченностью преступниковъ, не задумываясь надъ вопросомъ, откуда же происходитъ самая испорченность, если и допустить, что ею одною обуславливается и вызывается всякое преступное дѣйствіе. Къ политическимъ преступленіямъ это объясненіе примѣнялось тѣмъ охотнѣе, что оно давало полный просторъ громамъ изобличеній противъ преступниковъ. Иногда практическая философія обвинителей дѣлала небольшой шагъ впередъ и направляла свои удары не столько противъ отдѣльныхъ лицъ, сколько противъ духа времени (*esprit du siècle*), упадка нравственности и въ особенности противъ журналистики и литературы. «*C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau*» — эта пѣсня раздавалась на разные тоны

и лады не въ одной только Франціи, не въ одну только эпоху реакціи противъ идей 1789-го года. Обвиненіямъ этого рода подвергалась нѣсколько разъ и наша бѣдная, скромная литература. Они повторились, какъ и слѣдовало ожидать, по поводу послѣдняго политическаго процесса, повторились не только въ журналахъ, образующихъ, если можно такъ выразиться, русскую литературную полицію, но и въ органахъ сравнительно-умѣренныхъ — на примѣръ, въ «Зарѣ», защищающей противъ «Московскихъ Вѣдомостей» образъ дѣйствій и приговоръ судебной палаты.

Что литература, въ особенности періодическая, имѣетъ вліяніе на общество — это фактъ неоспоримый; но столь же несомнѣнно и то, что высокаго развитія вліяніе это можетъ достигнуть только при свободѣ печати, при господствѣ политической жизни въ народѣ, при существованіи партій, представителями которыхъ служатъ журналы и газеты. Бываютъ, правда, минуты, когда и при противоположномъ состояніи общества, при крайнемъ стѣсненіи свободы, печать возвышается на степень главнаго двигателя общественной жизни; но этимъ мимолетнымъ блескомъ она почти всегда бываетъ обязана появленію одного или нѣсколькихъ великихъ умовъ и талантовъ, сосредоточивающихъ въ себѣ на короткое время всѣ лучшія силы мыслящей части народа (неизвѣстный авторъ писемъ Юніуса въ Англии 1770 г., Бёрне въ Германіи временъ Священнаго Союза, Бѣлинскій въ Россіи сороковыхъ годовъ). Какъ только они сходятъ со сцены, печать, неимѣющая прочныхъ корней и постоянныхъ источниковъ вліянія, перестаетъ играть выдающуюся роль въ общественной жизни. Всего менѣе возможно преобладаніе печати въ тѣ переходныя эпохи, когда для дѣятельности общества отыскиваются новые пути, но преграды, ее стѣсняющія, снимаются не вдругъ и далеко не всѣ. Въ эти эпохи печать не имѣетъ *болѣе* того значенія, которое она могла пріобрѣсти среди всеобщей безгласности и неподвижности, какъ единственное проявленіе общественной мысли — и не имѣетъ *еще* того значенія, которое принадлежитъ ей въ обществѣ живущемъ полною жизнью. Для нашей печати наступилъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, именно такой періодъ. Вниманіе прогрессивныхъ элементовъ общества сосредоточивается уже не на ней одной; она сдѣлалась болѣе практичной, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и вслѣдствіе того — менѣе увлекательной; она проникла въ сферы, которыя прежде были для нея недоступны, но рѣже и обдуманнѣе стала касаться вопросовъ, всего болѣе способныхъ волновать общественное мнѣніе. Напрасно было бы, съ другой стороны, искать въ нашей современной печати такихъ публицистическихъ дарованій, кото-

рымъ подчинялись бы умы, за которыми слѣдовали бы многочисленные, преданные приверженцы. Нѣчто похожее, съ перваго взгляда, на партію образовалось въ послѣднее время только вокругъ редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» — главныхъ представителей той реакціонной литературы, появленіе которой составляетъ характеристическую черту истекшаго десятилѣтія. Но и тутъ, соединительнымъ звеномъ для поклонниковъ гг. Каткова и Леонтьева служила не столько сознательная мысль, сколько инстинктивное отвращеніе къ движенію, поперегъ котораго встали «Московскія Вѣдомости». Какъ бы то ни было, успѣхъ этой газеты, поколебавшійся только недавно, доказываетъ несостоятельность обвиненій, вводимыхъ на современную періодическую литературу. Въ журналистикѣ, какъ и во всякой другой области общественной жизни, возможно только одновременное существованіе, а не одновременное торжество двухъ противоположныхъ элементовъ.

Чтобы опредѣлить степень вліянія литературы на распространеніе политическихъ или социальныхъ ученій, необходимо имѣть въ виду, что если литература дѣйствуетъ на общество, то еще сильнѣе дѣйствіе общества на литературу. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что литература есть выраженіе, созданіе общества, но на практикѣ эта истина забывается или игнорируется на каждомъ шагѣ, и послѣдствіе безпрестанно принимается за причину. Стѣбитъ только признакамъ радикализма проявиться одновременно въ обществѣ и въ литературѣ — существованіе его въ первомъ тотчасъ же приписывается проповѣдыванію его въ послѣдней. А между тѣмъ, оба явленія очевидно зависятъ отъ одной общей причины, и порядокъ происхожденія ихъ очевидно не тотъ, который предполагается обыкновенно. Мысль прежде возникаетъ въ обществѣ, потомъ уже выражается въ литературѣ. Взгляды несогласные съ общепринятыми существовали у насъ гораздо раньше, чѣмъ явилась возможность высказывать ихъ въ печати. Въмѣсто того, чтобы негодовать противъ литературной пропаганды извѣстнаго ученія, гораздо полезнѣе, поэтому, обратить вниманіе на условія его вызывающія и содѣйствующія его распространенію. Съ этой точки зрѣнія появленіе радикальныхъ ученій въ средѣ русскаго общества представляется естественнымъ результатомъ переворота, начавшагося у насъ послѣ крымской войны и продолжающагося до настоящаго времени. Мысль эта конечно не нова, и если мы считаемъ нужнымъ настаивать на ней, то только потому, что она слишкомъ часто исчезаетъ въ какомъ-то туманѣ. Всякое коренное измѣненіе существующаго порядка вещей, хотя бы оно было предпринято

самимъ правительствомъ и совершалось постепенно, путемъ вполне законнымъ и мирнымъ, возбуждаетъ движеніе мысли, которое не можетъ быть заключено въ заранѣ опредѣленныя границы. Отправляясь отъ одного и того же исходнаго пункта—сознанія, что старый порядокъ неудовлетворителенъ и что онъ долженъ быть замѣненъ новымъ—можно придти къ самымъ различнымъ заключеніямъ; и въ числѣ этихъ заключеній тѣмъ легче могутъ встрѣтиться выводы крайніе, чѣмъ болѣе стѣсненіямъ подвергалась прежде общественная мысль, чѣмъ меньше она привыкла въ свободному обсужденію политическихъ вопросовъ, чѣмъ труднѣе для нея переходъ отъ теоріи къ практикѣ, къ дѣйствительности.

Токвилль объясняетъ радикальный характеръ французской философіи XVIII-го вѣка преимущественно полнымъ незнакомствомъ тогдашнихъ французовъ съ государственными дѣлами, отъ участія въ которыхъ они были систематически отстраняемы въ продолженіи двухъ почти столѣтій. Наше общество, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, было еще болѣе чуждо политической жизни—и уже это одно должно было сдѣлать его воспріимчивымъ къ крайнимъ ученіямъ, какъ къ самой рѣзкой и наглядной формѣ протеста противъ долговременнаго застоя. Время наибольшаго распространенія радикальныхъ ученій (если не въ глубину, то въ ширину) совпадаетъ съ періодомъ ожиданія реформъ, съ тѣмъ періодомъ, когда осужденныя въ принципѣ учрежденія — крѣпостное право, закрытый канцелярскій судъ, цензура, полномочіе администраціи въ дѣлахъ земскаго и городскаго хозяйства—не успѣли еще уступить мѣсто новому порядку. Въ шестидесятихъ годахъ реформы осуществляются одна за другою; радикальныя ученія однако не исчезаютъ, но, сосредоточиваясь въ сферѣ болѣе узкой, начинаютъ проникать въ жизнь и заявлять себя попытками повелевать государственное устройство. Эти попытки, какъ мы уже сказали въ началѣ статьи, повторяются одна за другою, несмотря на строгую репрессію, усиленный надзоръ и цѣлый рядъ предупредительныхъ мѣръ, имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ чисто-карательный характеръ. Спокойствіе государства остается ненарушимымъ, правительство — болѣе сильнымъ чѣмъ когда-нибудь; но общество страдаетъ вдвойнѣ, теряя множество лицъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, принести ему не мало пользы, и подвергаясь такимъ стѣсненіямъ, которыя были бы немислимы при отсутствіи серьезныхъ политическихъ преступленій. Измѣнить такое положеніе дѣлъ — задача, очевидно выходящая изъ предѣловъ уголовной политики; одними наказаніями не искоренить зла, возобновляющагося постоянно. Для того, чтобы политическій процессъ

1869 — 71 г. былъ надолго послѣднимъ въ нашихъ судебныхъ лѣтописяхъ, необходима усердная работа общества надъ самимъ собою — работа въ свою очередь невозможная безъ поддержки правительства, активной и пассивной.

Поставить вопросъ такимъ образомъ — не значить оправдывать политическія преступленія, не значить требовать безнаказанности для политическихъ преступниковъ. Государство вездѣ и всегда облечено — и не можетъ не быть облечено — правомъ карать посягающихъ на основныя начала его устройства; но это право не исключаетъ обязанности предупреждать — насколько это возможно и не противорѣчить другимъ задачамъ государства — всякій поводъ къ подобнымъ посягательствамъ. Если уголовная статистика указываетъ на быстрое увеличеніе числа преступленій извѣстнаго рода въ той или другой мѣстности государства, то изысканіе причинъ этого факта можетъ и должно идти параллельно съ примѣненіемъ къ преступникамъ, на прежнемъ основаніи, уголовного закона. Политическія преступленія не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила.

II.

Осенью 1869-го года, когда Нечаевъ, подъ чужимъ именемъ, возвратился въ Россію изъ-за границы, онъ не нашелъ ни въ Москвѣ ни въ Петербургѣ ничего похожаго на тайное общество, никакихъ приготовленій къ образованію его. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ — въ мартѣ и апрѣлѣ — были произведены довольно многочисленныя аресты, состоявшіе въ связи съ волненіемъ въ петербургскомъ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но только немногіе изъ числа арестованныхъ лицъ были привлечены къ суду по нечаевскому дѣлу, и ни одно изъ нихъ не было осуждено судомъ. Такимъ образомъ, Нечаеву приходилось все создавать, все устроить вновь. Черезъ два мѣсяца послѣ его пріѣзда, въ концѣ ноября, тайное общество было составлено въ Москвѣ и готовилось перенести свою дѣятельность въ Петербургъ. Мы увидимъ ниже, какова была организациія этого общества, изъ чего оно состояло, къ чему стремилось и чего достигло; теперь насъ занимаетъ только быстрота его образованія. Ее объясняли существованіемъ среди учащейся молодежи небольшихъ кружковъ, служившихъ готовой рамкой для организации; но происхожденіе послѣдней изъ первыхъ ничѣмъ не доказано, и притомъ, что же заставляло кружки, образованные безъ всякой преступной цѣли, переходить такъ вне-

запно къ тайной политической дѣятельности? Указывали, дальше, на товарищескую связь, соединявшую большинство членовъ общества, какъ студентовъ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеній; но если она и могла облегчить распространеніе общества, то конечно въ ней нельзя видѣть побудительную причину къ вступленію въ его среду. Говорили, наконецъ, что тайное общество 1869-го года было продолженіемъ тайнаго общества 1866-го года и другихъ, прежде открытых; но въ подтвержденіе этой гипотезы не было и не могло быть приведено ни одного положительнаго факта. Изъ всѣхъ подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу только одинъ — князь Черкесовъ — игралъ небольшую роль въ процессѣ 1866-го года. Значительное большинство ихъ сидѣло еще въ этомъ году на гимназической скамьѣ. Установить, при такихъ условіяхъ, какое-то внѣшнее преемство между различными обществами — приемъ конечно очень удобный, но принадлежащій къ числу тѣхъ поверхностныхъ отвѣтовъ на сложный вопросъ, о которыхъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ. Связь между всѣми политическими процессами послѣдняго десятилѣтія конечно существуетъ, но она заключается въ общности или сходствѣ причинъ, а отнюдь не въ непосредственномъ насажденіи одного тайнаго общества другимъ, ему предшествующимъ.

Обратимся отъ этихъ догадокъ къ фактамъ, которые даетъ намъ самое дѣло. Лица, вступившія въ тайное общество по приглашенію Нечаева или его ближайшихъ помощниковъ — почти безъ исключенія люди очень молодые, болѣею частью еще неокончившіе курса, люди увлекающіеся, но трудолюбивые, проникнутые желаніемъ служить общему, народному благу. Во имя этого блага и обращается къ нимъ Нечаевъ, доказывая имъ съ одной стороны бѣдственное положеніе народа, съ другой — невозможность мирнаго, постепеннаго улучшенія народнаго быта, и убѣждая ихъ перейти вслѣдъ за нимъ на другой путь, прямѣ ведущій къ цѣли. Многіе изъ нихъ имѣли, до знакомства съ Нечаевымъ, довольно опредѣленные планы будущей дѣятельности на пользу народа; одни хотѣли заняться устройствомъ народныхъ школъ, другіе — образованіемъ земледѣльческихъ ассоціацій, третьи мечтали сдѣлаться странствующими учителями сельскаго хозяйства. Нечаевъ старается разрушить всѣ эти мечты и планы, указывая въ особенности на то, что осуществленію ихъ помѣшаетъ правительство, въ глазахъ котораго учрежденіе артелей, ассоціацій составляетъ чуть ли

не политическое преступленіе ¹⁾). Въ другихъ случаяхъ исходной точкой переговоровъ между организаторами общества и будущими его членами служить бѣдственное матеріальное положеніе студентовъ, необходимость устроить, вопреки запрещеніямъ правительства, корпоративное попеченіе объ участи ихъ ²⁾). Иные, наконецъ, становятся приверженцами Нечаева подъ вліяніемъ озлобленія и отчаянія; таковъ, напримѣръ, Успенскій, занимающій первое, послѣ Нечаева, мѣсто въ организаціи общества.

«Причины, главнымъ образомъ побудившія меня къ вступленію въ общество» — показалъ Успенскій на судѣ — «были слѣдующія: со времени выхода моего изъ школы, я постоянно обращался въ кругу людей бѣльшую частью молодыхъ, которые подвергались административнымъ преслѣдованіямъ. Конечно, я не могъ оставаться къ этому равнодушнымъ, не могъ не сочувствовать этимъ лицамъ. Мало того: послѣднія административныя мѣры сдѣлали то, что ни я, ни мои знаемые не могли считать себя безопасными и гарантированными отъ преслѣдованій, хотя и не считали себя заслуживающими такого преслѣдованія. Все это повело къ тому, что я поступилъ въ общество по той же причинѣ, по которой человекъ никогда не воровавшій, если про него кричатъ, что онъ воръ, дѣйствительно дѣлается воромъ. 14-го мая, была арестована моя сестра, пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Ее посадили въ Арбатскую часть, затѣмъ перевели въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ она просидѣла девять мѣсяцевъ. Между тѣмъ я зналъ навѣрное, что нѣтъ никакихъ причинъ подозрѣвать ее въ чемъ-нибудь». Приведи еще нѣсколько фактовъ того же рода, Успенскій прибавилъ: «послѣднею побудительною причиною (вступленія въ общество) было письмо, полученное мною отъ арестованной сестры. Письмо это было такъ странно, что я счелъ ее за сумасшедшую». Много общаго съ этимъ показаніемъ Успенскаго представляютъ объясненія вн. Черкезова о причинахъ, склонившихъ его и другихъ къ вступленію въ общество. Не менѣе характеристиченъ тотъ фактъ, что вербованіе членовъ общества между

¹⁾ Всего рельефнѣе эта тактика Нечаева описана Кузнецовымъ и Успенскимъ (засѣданія 1-го и 3-го іюля).

²⁾ Это явленіе не новое; вотъ что мы читаемъ въ той части приговора верховнаго и уголовнаго суда 1866-го года, которая относится къ подсудимымъ Бучину, Соболеву, Сергіевскому, Борисову, Воскресенскому, Кутневу и Подумординову: «вступая въ общество, они имѣли въ виду только обѣщанное имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи они не могутъ кончить образованія, которое одно могло обезпечить ихъ будущность».

студентами московскаго университета началось только послѣ такъ-называемой полуниинской исторіи, и что привлечены къ участию въ общество были почти исключительно такіе студенты, которые или сами пострадали отъ этой исторіи, или находились въ близкихъ отношеніяхъ къ лицамъ, отъ нея пострадавшимъ.

Оппозиціонное направленіе молодежи—преимущественно той, которая учится въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—явленіе общее всѣмъ континентальнымъ государствамъ Европы. Политическія движенія въ Парижѣ почти всегда находили отголосокъ въ школахъ латинскаго квартала; вѣнскіе студенты играли выдающуюся роль въ событіяхъ 1848-го года; чешская агитація, происходящая на нашихъ глазахъ въ Богеміи, стояла уже нѣсколькихъ неприятныхъ сценъ нѣмецкимъ профессорамъ пражскаго университета; во всѣхъ германскихъ университетахъ существуютъ корпораціи (буршеншафты) съ болѣе или менѣе либеральнымъ оттѣнкомъ. Все это совершенно въ порядкѣ вещей; молодые умы, неохлажденные опытомъ жизни, незнакомые еще ни съ твердостью основъ, на которыхъ держится государственное и общественное устройство, ни съ важностью и многочисленностью условий, которыя должны быть приняты въ расчетъ при всякомъ преобразованіи этого устройства,—всегда расположены къ движенію, къ переменѣ. Наболѣе пылкіе изъ нихъ вѣрятъ въ возможность устранить за одинъ разъ все то, что кажется имъ несовершеннымъ, и создать не только новый порядокъ, но и новыхъ людей, ему соответствующихъ. Мысль о борьбѣ, объ опасности скорѣе воодушевляетъ, нежели устрашаетъ юношей, въ глазахъ которыхъ все выходящее изъ сферы обыденной жизни имѣетъ романтическую прелесть. Въ государствахъ, непривыкшихъ еще къ умственной свободѣ, такое настроеніе умовъ кажется чѣмъ-то безусловно несомнѣннымъ съ общественнымъ спокойствіемъ и вызываетъ цѣлый рядъ строгихъ мѣръ, основанныхъ на недовѣрїи къ молодежи. Исторія показываетъ намъ, между тѣмъ, что по мѣрѣ уменьшенія этого недовѣрїя, склонность молодежи къ беспорядкамъ не усиливается, а ослабѣваетъ. Всего менѣе она, безъ сомнѣнія, развита въ Англіи, т.-е. въ странѣ, которая не знаетъ никакихъ административныхъ стѣсненій. Въ Германіи двадцатыхъ годовъ, послѣ карлсбадскихъ конференцій, запрещеніе буршеншафтовъ не предупредило ни броженія умовъ между студентами, ни образованія тайныхъ обществъ; въ настоящее время буршеншафты пользуются полною свободой, но тайныя общества сдѣлались анахронизмомъ, и всякая попытка образовать какой-нибудь подпольный союзъ потерпѣла бы полное фіаско даже между молодыми людьми,

только-что надѣвшими цвѣтную корпоративную фуражку. Въ Франціи періоды дѣйствительнаго торжества свободы такъ быстро смѣнялись подавленіемъ ея, явнымъ или едва прикрытымъ, что радикально-оппозиціонный духъ не успѣлъ исчезнуть въ средѣ молодежи; нельзя не замѣтить однако, что парижская учащаяся молодежь—*la jeunesse des écoles*—не применила ни къ іюньскимъ инсургентамъ 1848-го года, ни къ приверженцамъ коммуны 1871-го года.

Система недовѣрія, какъ и всякая другая, должна быть рассматриваема преимущественно съ точки зрѣнія ея результатовъ. Еслибы она уничтожала всякое волненіе въ самомъ его зародышѣ, еслибы она успокоивала умы, еслибы принятіе однажды крутыхъ мѣръ надолго дѣлало ненужнымъ ихъ повтореніе, то можно было бы утверждать, что цѣль системы достигнута,—и доказывать этимъ ея пользу и необходимость. Но если она и предупреждаетъ беспорядковъ, если подъ покровомъ внѣшней тишины, водворяемой ею отъ времени до времени, происходитъ сильное внутреннее броженіе, если она требуетъ постоянна возобновляющихся преслѣдованій,—то позволительно заключить, что въ ней самой или въ примѣненіи ея коренится существенный недостатокъ, и что; затрудняя развитіе, она все-таки не служитъ достаточной гарантіей порядка.

Дѣло въ томъ, что отъ оппозиціоннаго чувства, въ болѣе части случаевъ смутнаго и неопредѣленнаго,—еще очень далеко до тайнаго замысла или открытаго возстанія противъ существующаго порядка вещей. Въ концѣ концовъ, это чувство часто сидитъ въ молодомъ человѣкѣ въ жаждѣ дѣятельности—и есть множество путей, вполне законныхъ и безопасныхъ, на которыхъ онъ можетъ проявляться и находить себѣ удовлетвореніе, пока наступающая зрѣлость не замѣнитъ увлеченія—убѣжденіемъ, и не охладитъ перваго юношескаго пыла. Конечно, было бы гораздо лучше, еслибы приготовленіе къ дѣятельности, т.-е. ученье, могло наполнить всю жизнь молодого человѣка; но наши университеты и академіи—не монастырскія шеолы, и молодые люди, учащіеся въ нихъ, невольно приходятъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ ихъ обществомъ, въ особенности съ своею собственною товарищескою средою. Сходство положенія, общность стремленій и интересовъ неизбѣжно образуетъ корпоративный духъ, развивающійся несмотря ни на какія внѣшнія стѣсненія, и скорѣе подерживаемый, нежели подавляемый ими. Въ 1861-мъ году, подъ вліяніемъ первыхъ университетскихъ беспорядковъ, можно было задать себѣ задачей изолировать каждаго отдѣльнаго студента, не оставивъ между нимъ и университетомъ никакой другой свя-

зи вромѣ профессорскихъ лекцій, уничтожить *de facto* корпорацію студентовъ, какъ она была уже уничтожена передъ тѣмъ *de jure*; но теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, слѣдуетъ спросить себя, исполнена ли эта задача? Мы не станемъ разбирать старый вопросъ о пользѣ или необходимости студенческихъ сходовъ, особой студенческой кассы, библіотеки, вухмистерской и т. п. Мы думаемъ, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ можно будетъ только удивляться преувеличенной важности, которую придавали и кажется еще придаютъ этому вопросу обѣ стороны. Мы признаемъ откровенно, что не ожидаемъ отъ студенческаго самоуправленія такой быстрой и рѣшительной перемѣны къ лучшему въ бытѣ и положеніи студентовъ, на какую рассчитываютъ его ревностные защитники; но, съ другой стороны, мы не видимъ въ немъ рѣшительно ничего опаснаго для государства и для общества. Допустимъ на минуту, что сходы студентовъ—безъ которыхъ невозможно учрежденіе студенческой кассы и т. п.—могутъ служить поводомъ къ волненіямъ, распространяющимся даже за предѣлы университета. Отсюда, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы вывести необходимость запрещенія сходовъ—еслибы только это запрещеніе было осуществимо на практикѣ. Но развѣ можно услѣдить за каждымъ шагомъ каждаго изъ тысячи студентовъ, въ городѣ съ нѣсколькими сотнями тысячъ жителей? Развѣ можно запретить и помѣшать студентамъ собираться въ какой-нибудь частной квартирѣ? Развѣ можно помѣшать студентамъ говорить о своихъ общихъ дѣлахъ даже въ университетской аудиторіи, до прихода профессора? Развѣ порядку и спокойствію угрожаютъ только сходы въ стѣнахъ университета—единственные, которыя университетское начальство можетъ ограничить, если и не предупредить совершенно? Лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы служатъ факты, раскрытые нечаевскимъ процессомъ. Зимой 1868—69 годовъ волненіе между студентами въ Петербургѣ возникло весьма рано и продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; сходы въ частныхъ квартирахъ—то въ той, то въ другой—собирались уже въ ноябрѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ; между тѣмъ репрессивныя мѣры начались не ранѣе января и положили конецъ движенію не ранѣе марта, послѣ административной высылки многихъ студентовъ и закрытія на время медико-хирургической академіи. Къ какимъ худшимъ результатамъ могли бы привести открытыя, разрѣшенныя сходы въ помѣщеніи университета? Вся разница заключалась бы въ томъ, что на этихъ послѣднихъ сходахъ всякое противузаконное предпріятіе было бы обнаружено и прекращено гораздо скорѣе. Говорять о вредномъ вліяніи тайныхъ

кружковъ, образующихся въ средѣ учащейся молодежи и слышномъ легко переходящихъ отъ невинныхъ стремленій къ преступнымъ цѣлямъ; но что же можетъ служить болѣе сильнымъ противувѣсомъ этому вліянію, какъ не гласность, не боящаяся дневного свѣта? Въ университетскихъ городахъ Англіи существуютъ такъ-называемые debating clubs, въ которыхъ обсуждаются самые важные политическіе и религіозные вопросы, съ полною свободой мысли и слова—и вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ такой свободы никогда еще нигдѣ не былъ поднимаемъ. Мы знаемъ очень хорошо, что между правами англійскими и русскими существуетъ очень большая разница — но мы вѣдь и не утверждаемъ, чтобы нашимъ студентамъ слѣдовало разрѣшить устройство публичныхъ преній о чемъ и какъ угодно. Мы ограничиваемся слѣдующими простыми разсужденіями: собираются ли у насъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, студенческія сходки, несмотря на существующее запрещеніе? Собираются.—Возможно ли предупредить, разъ навсегда, повтореніе подобныхъ собраний? Нѣтъ, невозможно.—Меньше ли они даютъ поводовъ къ беспорядкамъ, чѣмъ собранія разрѣшенныя? Нѣтъ, не меньше, а скорѣе больше.—Удобнѣе ли наблюдать за сходками разрѣшенными, чѣмъ за сходками неразрѣшенными? Гораздо удобнѣе.—Возможно ли ограничить пренія на этихъ послѣднихъ сходкахъ вопросами, заранѣе назначенными и опредѣленными (напримѣръ, общими студенческими дѣлами и научными вопросами, составляющими предметъ университетскаго преподаванія)? Вполнѣ возможно.—На этой чисто-практической почвѣ спорный вопросъ у насъ, кажется, еще не обсуждался; а между тѣмъ, именно на ней всего легче могли бы быть разрѣшены недоумѣнія, стоившія уже столько заботъ однимъ, столько горя и бѣдствій — другимъ.

Переходъ отъ системы недовѣрія къ системѣ довѣрія — конечно, довѣрія не исключающаго осторожность — укрѣпилъ бы, быть можетъ, корпоративный духъ въ средѣ каждаго отдѣльнаго учебнаго заведенія (хотя мы склоняемся къ мысли, что онъ только облекъ бы его въ болѣе правильную форму); но за то онъ уничтожилъ бы ту солидарность между различными заведеніями, вслѣдствіе которой волненія, возникающія въ одномъ изъ нихъ, въ большей части случаевъ распространяются и на другія. Въ сходкахъ, происходившихъ зимою 1868—69 г., участвовали рядомъ съ студентами с.-петербургскаго университета студенты медико-хирургической академіи, слушатели технологическаго и земледѣльческаго институтовъ: и это очень понятно, такъ какъ они всѣ считали себя связанными однимъ общимъ

интересомъ. Мало того: здѣшніе студенты вступали въ сношенія съ московскими, можетъ быть и съ провинціальными. При нормальномъ развитіи корпоративной жизни такое явленіе едва ли было бы возможно; въ соприкосновеніяхъ между высшими учебными заведеніями, конечно, не было бы недостатка; но происходя открыто, они были бы чужды всякаго агитаціоннаго характера. Съ другой стороны, участвуя въ корпоративной жизни, студенты не могли бы болѣе возлагать на правительство главную долю отвѣтственности за матеріальныя лишенія, испытываемыя большинствомъ учащейся молодежи. Повторяемъ еще разъ, мы не думаемъ, чтобы учрежденіе студенческой кассы оказалось въ этомъ отношеніи чѣмъ-нибудь, болѣе палліативнаго средства; но для насъ важно то, что отсутствіемъ кассы студенты привыкли объяснять бѣдственное положеніе свое, и что оно служить одной изъ причинъ, поддерживающихъ между ними оппозиціонное расположеніе духа. Убѣдить ихъ въ неосновательности такого взгляда могъ бы только опытъ, котораго до сихъ поръ сдѣлано еще не было.

Намъ могутъ возразить, основываясь на данныхъ нечаевского дѣла, что опытъ сдѣланъ былъ и что онъ привелъ совсѣмъ не въ тѣмъ результатамъ, которыхъ мы ожидаемъ. Въ петровской земледѣльческой академіи (близъ Москвы) существовала въ 1869-мъ году кухмистерская, управляемая уполномоченными отъ студентовъ; для выбора этихъ уполномоченныхъ по необходимости допускаемы были и сходки; а между тѣмъ петровская академія была главнымъ центромъ и разсадникомъ тайнаго общества, основаннаго Нечаевымъ, въ ея средѣ онъ нашелъ самыхъ преданныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ — Кузнецова, Иванова, Долгова, Рипмана и другихъ. Это обстоятельство нисколько не опровергаетъ нашего мнѣнія. Льготы, которыми пользовались студенты петровской академіи, не имѣли, во-первыхъ, прочнаго основанія; примѣръ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній заставлялъ ожидать со дня на день ихъ совершенной отмѣны, которая дѣйствительно и воспослѣдовала въ 1870 или 1871 году. Во-вторыхъ, эти льготы были весьма ограничены, такъ что касса, напримѣръ, могла образоваться только втайнѣ отъ академическаго начальства (показанія подсудимыхъ и свидѣтелей второй группы). Но какъ ни шатаи, какъ ни бѣдны были зачатки корпоративнаго устройства въ петровской академіи, они все-таки оказались скорѣе препятствіемъ, чѣмъ пособіемъ для дѣятельности тайнаго общества. Мы не находимъ въ нечаевскомъ дѣлѣ никакихъ указаній на то, чтобы сходки, вызванныя существованіемъ кухмистерской, играли

какую-нибудь роль въ распространеніи тайнаго общества или хотя бы въ приготовленіи въ нему умовъ академической молодежи. Нельзя утверждать даже, чтобы онѣ были источникомъ крѣпкой товарищеской связи между студентами, — связи, которою обвиненіе объясняло быстроту вербованія членовъ тайнаго общества въ средѣ академіи. Большинство студентовъ петровской академіи живетъ вдали отъ Москвы, на общихъ квартирахъ въ зданіи академіи или въ окрестныхъ деревняхъ; вотъ почему они скорѣе и больше сближаются между собою, чѣмъ студенты университетовъ, живущіе въ столицахъ или большихъ провинціальныхъ городахъ.

Съ другой стороны, нечаевское дѣло представляетъ намъ слѣдующій, въ высшей степени знаменательный фактъ. Въ за-сѣданіи кружка отдѣленія, т.-е. руководящаго центра тайнаго общества, Нечаевъ предлагаетъ распространять прокламаціи посредствомъ наклеиванія ихъ въ академическихъ столовыхъ и библиотекѣ. Членами кружка отдѣленія состоятъ два студента петровской академіи, Кузнецовъ и Ивановъ. Оба возстаютъ противъ предложенія Нечаева, потому что видятъ въ немъ опасность для существованія вухмистерской, которою такъ дорожатъ многочисленныя бѣдняки академіи. Кузнецовъ, подчинившійся вполнѣ вліянію Нечаева, сопротивляется недолго; но Ивановъ, человекъ самостоятельный, энергически отстаиваетъ свое мнѣніе и при этомъ случаѣ въ первый разъ выражаетъ готовность возстать даже противъ приказаній таинственнаго комитета, именемъ котораго прикрывается Нечаевъ. Отсюда ведетъ свое начало оппозиція Иванова Нечаеву и ненависть Нечаева къ Иванову, нашедшая удовлетвореніе только въ смерти послѣдняго. Итакъ, для одного изъ главныхъ членовъ тайнаго общества существованіе студенческой вухмистерской оказывается дороже, чѣмъ быстрое распространеніе общества! Характеризуя какъ нельзя лучше направленіе самаго общества, этотъ фактъ показываетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ могущественнымъ оплотомъ противъ политической агитаціи въ средѣ студентовъ могло бы служить развитіе между ними правильной корпоративной жизни. Для большинства молодыхъ людей общій интересъ всегда важнѣе личнаго; опасеніе повредить корпорации дѣйствовало бы на нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ опасеніе повредить только самимъ себѣ. Было бы крайне прискорбно, еслибы упомянутый нами эпизодъ нечаевского дѣла не обратилъ на себя вниманія администраціи.

Событія послѣднихъ десяти лѣтъ отразились неблагоприятно не на одномъ только корпоративномъ устройствѣ высшихъ учеб-

ныхъ заведеній; они породили недовѣріе ко всѣмъ предпріятіямъ, ко всѣмъ учрежденіямъ, подѣ покровомъ которыхъ случалось проявляться анти-правительственнымъ тенденціямъ. 1862-ой годъ положилъ конецъ движенію въ пользу воскресныхъ школъ, начавшемуся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ довольно широкихъ размѣрахъ; процессъ 1866-го года возбудилъ подозрѣніе противъ всѣхъ обществъ, устраиваемыхъ молодежью. «Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено» — сказано въ приговорѣ верховнаго уголовного суда, — «что еще въ 1863-мъ году составился въ Москвѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, зараженныхъ социалистическими идеями; въ послѣдствіи эти люди начали дѣлать усилія для распространенія и осуществленія своихъ идей на практикѣ; съ этою цѣлью они начали устраивать школы и различныя ассоціаціи, какъ-то переплетное заведеніе, швейную, основали общества переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспоможенія, старались, для примѣненія своихъ теорій, приобрести ваточную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ и устроить заводъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ на социальномъ началѣ для рабочихъ Мальцовскаго завода; нѣкоторые изъ сихъ заведеній и обществъ были уже учреждены безъ разрѣшенія правительства, а нѣкоторые были, кромѣ того, направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ. Затѣмъ нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспоможенія, а также переводчиковъ и переводчицъ, задумали организовать свою дѣятельность на строго опредѣленныхъ началахъ; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предположенія, составлять и разсматривать проекты уставовъ, и хотя такихъ проектовъ было нѣсколько, но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ; однакоже при этомъ нѣкоторыми изъ участвовавшихъ въ упомянутыхъ сходкахъ были заявляемы цѣли и предлагаемы средства самыя безнравственныя, самыя преступныя... Большая часть изъ этихъ предложеній не была принята, но по нѣкоторымъ и безъ общаго согласія были дѣлаемы приготовленія». Факты, обнаруженные верховнымъ уголовнымъ судомъ, не могли остаться безъ вліянія на дѣятельность правительства; они повлекли за собою изданіе закона 27-го марта 1867 года и цѣлый рядъ административныхъ мѣропріятій. Мы отнесемся къ нимъ, какъ и къ мѣрамъ по управленію высшими учебными заведеніями, только съ однимъ вопросомъ: достигли ли они своей цѣли, предупредили ли то зло, противъ котораго были направлены? Печальнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить разбираемое нами дѣло.

Нечаевъ не нашелъ въ Москвѣ ни обществъ, которыя бы

занимались, подъ какимъ-нибудь невиннымъ предлогомъ, политическою агитаціей, ни промышленныхъ предпріятій, которыя бы служили ширмой для распространенія социалистическихъ ученій, ни школъ, въ которыхъ вмѣсто науки преподавалась бы ненависть въ существующему порядку вещей; все это не помѣшало ему однако образовать, въ короткое время, тайную организацію, распространеніе которой едва ли могло бы быть легче и быстрѣе, еслибы почва для нея была приготовлена составленными *ad hoc*, подъ благовидной маской, обществами. Намъ могутъ возразить, что если подобныя общества и не играли никакой роли въ нечаевскомъ дѣлѣ, то это еще не значитъ, что бы они не были опасны для государства. Чтобы оцѣнить вполнѣ силу этого возраженія, необходимо было бы имѣть точныя свѣдѣнія о тѣхъ, если можно такъ выразиться, преддверіяхъ въ тайной организаціи 1866-го года, на которыя указано вкратцѣ въ приведенныхъ нами словахъ приговора верховнаго уголовного суда. Къ сожалѣнію, разбирательство дѣла въ верховномъ уголовномъ судѣ происходило при закрытыхъ дверяхъ, и мы не знаемъ, что показывалъ передъ нимъ каждый подсудимый или свидѣтель, какими документами онъ руководствовался при рѣшеніи дѣла. Нѣкоторые матеріалы для занимающаго насъ вопроса можно однако найти въ самомъ приговорѣ суда, несмотря на всю его сжатость. Упомянувъ объ образованіи различныхъ обществъ съ цѣлью распространенія социалистическихъ идей, приговоръ говоритъ нѣсколько дальше, что «нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспоможенія, а также переводчиковъ и переводчицъ, *задумали организовать свою дѣятельность на определенныхъ началахъ*»; слѣдовательно при первоначальномъ образованіи обществъ никакихъ определенныхъ началъ для дѣятельности ихъ въ виду не имѣлось, да и въ послѣдующей попыткѣ или попыткахъ создать такіа начала участвовали не всѣ члены обществъ. Къ тому же заключенію приводитъ и слѣдующее мѣсто приговора; «*нѣкоторыя (изъ сихъ заведеній) были направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ*»; значитъ, другія заведенія были учреждены безъ всякой преступной цѣли. На сходкахъ, происходившихъ съ цѣлью организовать дѣятельность обществъ на определенныхъ началахъ, *нѣкоторыми* изъ участвовавшихъ были заявляемы преступныя цѣли и предлагаемы безнравственные средства; но *большая часть подобныхъ предложеній не была принята*. Наконецъ, изъ приговора видно, что нѣкоторые изъ членовъ организаціи (Малининъ, Ивановъ, Лапкинъ) «старались разстроить ее, препятствовать ея сходкамъ и образовать кружокъ ей враждебный», а другіе (Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій,

Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ) «не имѣли точныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и предположеніяхъ общества, на сходкахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что такое социализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ». Основываясь на этихъ данныхъ, мы не видимъ существенной разницы между обществами, изъ среды которыхъ вышла тайная организація 1866-го года, и обыкновенными кружками, составляющимися изъ людей близко знакомыхъ между собою и соединенныхъ какою-нибудь общою мыслью. Если даже между членами организаціи были лица, незнавшія ея цѣли и неимѣвшія яснаго понятія о социализмѣ и коммунизмѣ, то что же сказать о тѣхъ членахъ обществъ взаимнаго вспоможенія и др., которые вовсе не вступали въ организацію? Не очевидно ли, что связь между этими обществами и организаціей была чисто внѣшняя, случайная? Правда, члены послѣдней набирались преимущественно изъ среды первыхъ; но вѣдь изъ того, что студенты петровской земледѣльческой академіи составляютъ половину общаго числа лицъ, осужденныхъ по нечаевскому дѣлу, никто не станетъ заключать, что петровская академія сама по себѣ есть революціонное учрежденіе. Сдѣлавшись однажды главнымъ центромъ дѣятельности Нечаева и оставаясь имъ почти до конца, академія естественно должна была дать наибольшую, сравнительно, цифру членовъ организаціи; а въ 1866-мъ году роль петровской академіи играли въ этомъ отношеніи, если мы не ошибаемся, именно разнородныя общества, упомянутыя въ приговорѣ верховнаго суда.

Со времени изданія закона 27-го марта 1867-го года, образованіе общества съ цѣлью распространенія ученій, направленныхъ въ ниспроверженію или измѣненію, казими бы то ни было средствами, порядка государственнаго устройства, или обращеніе къ этой цѣли дѣятельности общества, имѣвшаго другое назначеніе, есть самостоятельное преступленіе, подвергающее виновныхъ строгому уголовному наказанію. Никакое общество не можетъ, оставаясь на законной почвѣ, готовить матеріалы или пролагать дорогу къ нападенію на существующій порядокъ вещей. Отсюда ясно, что если правительство имѣетъ интересъ наблюдать за дѣятельностью обществъ, однажды образованныхъ, то оно не имѣетъ интереса предупреждать образованіе ихъ (мы конечно говоримъ объ обществахъ не-тайныхъ). Нѣтъ предпріятія, первоначальная цѣль котораго не могла бы быть извращена, нѣтъ собранія, въ средѣ котораго не могло бы возникнуть противузаконное намѣреніе; но вѣдь никто не думаетъ однако о запрещеніи, вслѣдствіе этого, всякихъ предпріятій, всякихъ собраній. Въ дѣлѣ

образования обществъ, какъ и во всякомъ другомъ, исключенія ведутъ къ попыткамъ обойти законъ или административное распоряженіе — а такъ какъ эти попытки не возводятся въ законъ, то за формальнымъ нарушеніемъ закона часто слѣдуютъ другія, болѣе серьезныя. Недовѣріе администраціи направлено, съ 1861-го и еще болѣе съ 1866-го года, преимущественно противъ обществъ и предпріятій, имѣющихъ предметомъ или послѣдствіемъ сближеніе образованнаго класса съ народомъ (земледѣльческія ассоціаціи, народныя школы и т. п.); отъ этого сближенія, въ особенности когда главное участіе въ дѣлѣ принадлежитъ молодежи, ожидаютъ распространенія социалистическихъ ученій. Мы думаемъ, что въ основаніи этого опасенія лежитъ отчасти недоразумѣніе, тѣмъ болѣе естественное, чѣмъ эластичнѣе, туманнѣе самое понятіе о социализмѣ.

Есть политическія ученія, вылившіяся въ рельефную форму, ярко отличающіяся отъ всѣхъ другихъ и неоставляющія мѣста для сомнѣній; такова, напримѣръ, теорія красныхъ республиканцевъ въ родѣ Ледрю-Роллена, старыхъ прусскихъ консерваторовъ въ родѣ Герлаха. Социализмъ не принадлежитъ къ числу такихъ ученій; онъ допускаетъ тысячу различныхъ видоизмѣненій, не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, затрогиваетъ самыя противоположныя общественныя сферы — короче, это не доктрина, а собирательное слово для множества доктринъ, имѣющихъ лишь нѣсколько точекъ соприкосновенія между собою. Прибавимъ къ этому, что въ нѣкоторыхъ изъ задачъ, входящихъ въ программу социалистовъ, могутъ стремиться люди равнодушные или даже враждебные къ социализму. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крайніе консерваторы Англіи обвиняли Гладстона въ наклонности къ социализму, за предложенный имъ законъ о землевладѣніи въ Ирландіи; теперь, если вѣрить слухамъ, эти же самые консерваторы ищутъ союза съ рабочими, только-что устроившими цѣлый рядъ стачекъ. Въ Германіи не безъ причины причисляютъ къ социалистамъ и епископа майнцскаго Кеттелера, одного изъ вождей ультрамонтанской партіи, и Вагенера, еще недавно считавшагося руководителемъ феодаловъ. Мягкія формы социализма вездѣ соприкасаются съ простою заботливостью объ улучшеніи матеріальнаго положенія народа; признаки перехода отъ послѣдней къ первымъ, трудно-опредѣлимые даже для самаго безпристрастнаго взгляда, тѣмъ болѣе обманчивы въ эпоху тревожной борьбы противъ социализма. Съ другой стороны, социализмъ часто бываетъ только формой, въ которую облачается на время желаніе способствовать народному благу. Преобладаніе доброй воли надъ опытностью и знаніемъ, увлеченіе громкимъ сло-

вомъ, надежда на быстрые, громадные результаты, все это вмѣстѣ взятое заставляетъ многихъ молодыхъ людей считать себя социалистами, пока они не сдѣлаются просто тружениками на пользу народа — или не откажутся отъ своихъ юношескихъ мечтаній. Такихъ социалистовъ на одинъ часъ, социалистовъ не по убѣжденію, а по чувству, у насъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь, и ошибочно было бы видѣть въ нихъ враговъ общественнаго устройства. Нашимъ читателямъ конечно еще памятна блестящая характеристика русской современной молодежи, начертанная В. Д. Спасовичемъ во время судебныхъ преній по нечаевскому дѣлу ¹⁾. Съ отдѣльными подробностями этой характеристики можно не соглашаться; можно отрицать, что «всѣ мы тамъ были, въ этой социалистической странѣ», можно находить, что ораторъ слишкомъ скептически отнесся къ нравственной силѣ нашего молодого поколѣнія, къ будущности ассоціаціоннаго начала; но нельзя не признать вмѣстѣ съ нимъ, что социалистическія тенденціи часто составляютъ только эпизодъ въ жизни молодого человѣка и проистекаютъ изъ искренняго чувства любви къ народу. Если соединеніе этого чувства съ жаждой дѣятельности, свойственной молодости, при нѣкоторыхъ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ, можетъ привести къ преступнымъ замысламъ противъ государственнаго порядка, то при нормальномъ положеніи дѣлъ оно должно дать въ результатъ только увеличеніе суммы труда, посвященнаго общей пользѣ. Ничто не отрезвляетъ въ такой степени, какъ переходъ отъ мысли къ дѣлу, какъ сопривосновеніе съ жизнью; лучшая гарантія противъ неопредѣленныхъ мечтаній — возможность практической дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, вѣра въ скорое наступленіе этой возможности. Мы видѣли уже, что первой заботой Нечаева было поколебать, уничтожить эту вѣру — и еслибы она держалась на основаніяхъ болѣе прочныхъ, то дѣло образованія тайной организаціи потерпѣло бы неудачу въ самомъ своемъ началѣ.

Ни одинъ изъ будущихъ членовъ тайнаго общества не былъ социалистомъ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову на Западѣ Европы. Ихъ занимали не химерическіе планы радикальныхъ преобразованій, а чисто практическіе проекты скромнаго труда вблизи народа и вмѣстѣ съ народомъ. Когда Нечаевъ сталъ доказывать имъ невозможность

¹⁾ Въ защитительной рѣчи за Кузнецова, которая, въ памяти всѣхъ слушавшихъ ее, остается непревзойденнымъ до сихъ поръ образцемъ русскаго ораторскаго искусства.

подобнаго труда, они не сразу убѣдились его доводами. Имъ было больно разстаться съ любимомъ мыслію; но возраженія Нечаева заставили ихъ подумать о слабости средствъ, которыми они располагаютъ для ея осуществленія, о силѣ препятствій, съ которыми имъ придется бороться, и придти къ заключенію, что между тѣми и другими несообразность слишкомъ большая. Побѣдоносными изъ этого испытанія вышли только немногія, сильныя натуры, напримѣръ Луининъ, который, замѣчая перемену въ Кузнецовѣ, въ Долговѣ, не переставалъ уговаривать ихъ остаться вѣрными прежней цѣли. Еслибы его усилія не были прерваны отъѣздомъ его въ С.-Петербургъ, они, можетъ быть, имѣли бы болѣе успѣха. Мы едвали ошибемся, дагѣе, если скажемъ, что Ивановъ, несмотря на вступленіе его въ общество и даже въ кружокъ отдѣленія, не былъ вполне убѣжденъ Нечаевымъ и скоро отдѣлился бы отъ него на дѣлѣ, какъ начиналъ уже расходиться съ нимъ на словахъ. Въ средѣ организаціи 1869-го года, еслибы она существовала нѣсколько дольше, неизбежно повторился бы такой же расколъ, какой внесли Малининъ, Лапшинъ и др. въ организацію 1866-го года. Какъ бы то ни было, на первыхъ порахъ большинство лицъ, привлеченныхъ Нечаевымъ къ участию въ тайномъ обществѣ, согласились промѣнять свой давнишній идеалъ на смутную революціонную программу.

Ошибочно было бы, безъ сомнѣнія, объяснять это явленіе какою-нибудь одною причиною; но не коренится ли оно отчасти въ недостаточности той поддержки, которую обѣщала реальная жизнь планамъ Кузнецова, Долгова, Рипмана и ихъ друзей-академистовъ? Еслибы они видѣли вокругъ себя множество путей, ведущихъ къ ихъ завѣтной цѣли, путей прямыхъ, открытыхъ и доступныхъ для каждаго, путей, на которые можно свободно и безбоязненно вступать при дневномъ свѣтѣ, рѣшились ли бы они своротить на дорогу, покрытую тьмою и идущую въ разрѣзъ съ закономъ? Отказались ли бы они такъ легко и такъ скоро отъ мысли, успѣхъ которой обусловливался бы единственно ихъ собственною настойчивостью и энергіей? Подѣйствовало ли бы на нихъ такъ неотразимо скептицизмъ Нечаева, еслибы ежедневный опытъ громко говорилъ за возможность всякаго предпріятія, остающагося въ предѣлахъ закона, а слѣдовательно и за возможность того дѣла, которому они предполагали посвятить свои силы? Конечно, они могли — и, говоря отвлеченно, должны были — устоять противъ аргументаціи Нечаева, какъ устояли противъ нея другіе; но вѣдь мы и не намѣрены оправдывать ихъ ошибку — мы хотѣли бы только, чтобы она

больше не повторялась. Мы хотѣли бы, чтобы въ нашей общественной жизни не было такихъ явленій, за которыя могъ бы хвататься недобросовѣстный, на все готовый агитаторъ, какъ за орудіе для возбужденія умовъ трудящейся молодежи. Мы хотѣли бы, чтобы передъ нею широко раскрывался мирный путь разносторонней дѣятельности на пользу народа, и чтобы сознаніе свободы, ожидающей ее на этомъ пути, служило для нея охраной противъ революціонныхъ стремленій. Мы хотѣли бы, чтобы не было ни повода, ни даже предлога говорить молодымъ людямъ, мечтающимъ о благѣ народа: «ваши усилія бесплодны, ваши планы заранѣе обречены на неудачу; вамъ угрожаетъ опасность, хотя бы вы и не думали дѣйствовать наперекоръ закону».

Опасность, независящая отъ преступленія, опасность, непредупреждаемая строгимъ и точнымъ исполненіемъ закона — вотъ, въ самомъ дѣлѣ, элементъ, которому нельзя отказать въ вліяніи на образованіе нечаевского тайнаго общества. Говоря объ итогахъ судебной реформы, мы имѣли уже случай высказать наше мнѣніе объ административной расправѣ съ точки зрѣнія законности и справедливости¹⁾; теперь намъ приходится спросить себя и о ней, достигаетъ ли она по крайней мѣрѣ своей цѣли? Примѣненіе ея едва ли доходило когда-нибудь до болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ въ послѣднія пять лѣтъ — и все-таки она не предупредила организаціи 1869-го года. Угрожая постоянно не только нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, но цѣлымъ категоріямъ лицъ, она потеряла для нихъ свою устрашающую силу, или лучше сказать развила въ нихъ какое-то фаталистическое ожиданіе неминуемой, неотвратимой невзгоды. Отсюда только одинъ шагъ до рѣшимости идти на встрѣчу бѣдѣ — и мы видѣли уже, что этотъ шагъ былъ сознательно сдѣланъ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу. Чѣмъ больше ограждена личная свобода и безопасность человѣка, тѣмъ больше онъ дорожитъ, тѣмъ неохотнѣе рискуетъ ею — и на оборотъ. Нельзя пренебрегать также и тѣмъ озлобленіемъ, которое возбуждаютъ чрезвычайныя карательныя мѣры, въ особенности когда онѣ возведены или кажутся возведенными въ систему, и когда онѣ вызываются причинами, несоотвѣтствующими ихъ тяжести.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, условія, способствовавшія относительному успѣху нечаевской пропаганды въ средѣ молодежи. Мы увидимъ ниже, что настоящія цѣли этой пропаганды были тщательно скрываемы отъ огромнаго большинства членовъ организаціи. Они были привлечены къ ней не разрушительными тен-

1) «Вѣстникъ Европы» 1871 г. № 5 (май), стр. 357—367.

денціями «Народной расправы», а обѣщаніемъ быстрого излеченія всѣхъ народныхъ бѣдствій. Они видѣли эти бѣдствія, горячо желали облегчить ихъ, признали себя неспособными сдѣлать это собственными своими силами,—и тѣмъ легче применили въ тому, кто предложилъ вести ихъ новымъ путемъ въ завѣтной цѣли, чѣмъ бѣлымъ туманомъ были покрыты его намѣренія и средства. Притомъ, большинству членовъ тайнаго общества казалось, что имъ нечего терять; настоящее и будущее ихъ было въ ихъ глазахъ одинаково необезпеченнымъ и непрочнымъ. Мы стараемся доказать въ слѣдующей главѣ, какую громадную ошибку они сдѣлали, согласясь вступитъ въ тайное общество; но мы считали себя въ правѣ приступить къ этой задачѣ не прежде, какъ объяснивъ причины ошибки, указавъ обстоятельства, уменьшающія вину подсудимыхъ не только передъ уголовнымъ судомъ, но и передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

III.

Тайныя общества почти также древни, какъ и самое государство. При извѣстныхъ условіяхъ они были явленіемъ неизбѣжнымъ въ жизни каждаго народа; но мы напрасно стали бы искать въ исторіи положительныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, учреждений, ими созданныхъ или хотя бы ими разрушенныхъ. Вездѣ и всегда они представляются намъ обреченными на безсиліе и безплодіе. Перевороты, реформы, насильственные или мирные, совершаются безъ ихъ участія и посредства. Имъ удается иногда устранить ненавистное имъ лицо, но безъ всякой пользы для защищаемаго ими дѣла. Мѣсто Цезаря тотчасъ же занимаютъ Антоній и Октавій; смерть Линкольна не отсрочиваетъ ни на минуту ни окончательное пораженіе южныхъ штатовъ, ни уничтоженіе рабства. Если убійство Гиппарха влечетъ за собою паденіе Пизистратидовъ, то только потому, что за Гармодіемъ и Аристокитономъ стоитъ весь аѳинскій народъ. Въ бѣльшей части случаевъ заговоръ или тайное общество не имѣетъ даже внѣшняго, минутнаго успѣха. Марино Фальери не поколебалъ господства венеціанской аристократіи; заговоръ Пацци возвысилъ могущество Медичисовъ; пороховой заговоръ надолго сдѣлалъ англійскихъ католиковъ безправными передъ лицомъ закона. Во Франціи XVIII-го вѣка существовали масонскія ложи и другія тайныя общества; но развѣ они совершили, развѣ они приготовили революцію 1789-го года? Заговоръ Бабефа, заго-

воръ Пишегрю и Кадудала, тайныя общества временъ реставраціи и іюльской монархіи, начиная съ генерала Бертонна и четырехъ ларошельскихъ сержантовъ до Бланки и Барбеса — все это напрасныя траты силъ, эксплуатируемыя только реакціей и неимѣющія никакого отношенія ни къ іюльскому, ни къ февральскому перевороту. Въ Германіи тайныя общества распространяются въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, т.-е. въ эпоху полнѣйшаго застоя, и теряютъ всякое значеніе въ сороковыхъ годахъ, по мѣрѣ приближенія революціи. Въ Италіи, этой классической странѣ тайныхъ обществъ, карбонаризмъ стоитъ народу цѣлыхъ потоковъ крови и все-таки не даетъ ему ни независимости, ни свободы. На нашихъ глазахъ рушится безслѣдно общество Маріанны во Франціи, происходятъ тщетныя попытки феніевъ въ Ирландіи ¹⁾. Когда мысль сдѣлалась силой, она не нуждается въ тайномъ обществѣ — а раньше тайное общество ничего не можетъ для нея сдѣлать.

Намъ могутъ возразить, что если тайныя общества не совершаютъ сами великихъ дѣлъ, то готовятъ для нихъ почву, воспитываютъ для нихъ народъ; но мы не видимъ фактовъ, которыми подтверждалось бы это мнѣніе. Говорятъ, что карбонаризмъ сдѣлалъ итальянцевъ способными къ свободѣ; но справедливѣе было бы сказать, что онъ былъ однимъ изъ признаковъ, однимъ изъ проявленій того умственного движенія, которое предшествовало и содѣйствовало политической эманципации Италіи. Тайныя общества образуются преимущественно въ тѣ эпохи, когда въ средѣ народа совершается усиленное развитіе, готовится внутренняя перемѣна; отсюда возможность заключать, при поверхностномъ разсмотрѣніи событій, что эта перемѣна относится къ тайнымъ обществамъ, какъ послѣдствіе къ причинѣ. Но заключеніе это столь же невѣрно, какъ и правило, изъ котораго оно выведено: *post hoc, ergo propter hoc*. Между періодомъ тайныхъ обществъ и слѣдующимъ, болѣе счастливымъ періодомъ народной жизни существуетъ только хронологическая связь, какъ между періодомъ болѣзни и періодомъ здоровья. Выздоровленію неизбѣжно должны иногда предшествовать извѣстные лихорадочныя паровозизмы; но это еще не значитъ, чтобы они были необходимы для выздоровленія. Итальянскіе карбонары были людьми своего времени, времени пробужденія послѣ долгой умственной апатіи; они дѣйствовали подъ вліяніемъ новыхъ идей о національномъ и личномъ досто-

¹⁾ Мы не говоримъ о международномъ обществѣ потому, что оно не можетъ быть отнесено къ числу тайныхъ.

нствѣ, о правахъ итальянца и человѣка; но окончательнымъ обновленіемъ своимъ Италія обязана повсемѣстному распространенію этихъ идей, овладѣвшихъ даже одною изъ итальянскихъ династій, а не случайному и одностороннему воплощенію ихъ въ формѣ карбонаризма. Тайныя общества — плохая школа для политическаго воспитанія народа. Въ народѣ, выросшемъ подъ строгою опекой, безъ того уже слишкомъ мало развита самостоятельность мысли и воли, слишкомъ слаба личная инициатива, привычка дѣйствовать на собственный страхъ и довѣрять собственнымъ силамъ; тайныя общества гнутъ и тянутъ въ ту же самую сторону, требуя отъ своихъ членовъ безусловнаго, слѣпонаго повиновенія не ими самими избранному или даже имъ неизвѣстному вождю или комитету. Борясь съ превосходящей силой, они слишкомъ часто прибѣгаютъ къ орудію слабыхъ — къ лицемерію, къ обману; бѣдными средствами, они склонны проповѣдывать неразборчивость въ ихъ выборѣ и примѣненіи. Они дѣйствуютъ противъ нетерпимости — нетерпимостью, противъ фанатизма — фанатизмомъ, и стараются поставить одну узкую, искусственно-выработанную доктрину на мѣсто безконечнаго разнообразія мнѣній, создаваемыхъ жизнью и ея только одною измѣняемыхъ или уничтожаемыхъ. Они игнорируютъ или презираютъ все то, что стоитъ за ихъ предѣлами, и считаютъ себя въ правѣ производить надъ этой безразличной массой *experimenta in anima vili*.

Исторія тайныхъ обществъ у насъ, въ Россіи, носятъ на себѣ тотъ же отпечатокъ, какъ и исторія ихъ на Западѣ Европы. Одна только черта выдается въ ней особенно рельефно: это постепенное измелчаніе, вырожденіе русскихъ тайныхъ обществъ. Первое изъ нихъ по времени — общество такъ-называемыхъ декабристовъ ¹⁾ — было, безъ сомнѣнія, самымъ сильнымъ и по мысли, и по личному составу: по мысли, потому что оно мечтало о реформахъ, осуществившихся лишь тридцать пять или сорокъ лѣтъ спустя — объ освобожденіи крестьянъ, о правѣ судъ, о свободѣ печати; по личному составу, потому что оно имѣло приверженцевъ во всѣхъ вліятельныхъ общественныхъ сферахъ — въ придворной аристократіи, въ войскѣ, въ высшей администраціи, въ литературѣ. Въ рядахъ его дѣйствовали кн. Трубецкой и кн. Оболенскій, кн. Волконскій и кн. Одоевскій, Пестель и Муравьевъ-Апостолъ, Рылѣевъ и Бестужевъ (Марлинскій); близко къ нему стояли такіе люди какъ Н. Тургеневъ,

¹⁾ Придворные заговоры прошедшаго столѣтія составляютъ явленіе *sui generis*, неимѣющее ничего общаго съ разбираемымъ нами вопросомъ о тайныхъ обществахъ.

М. Орловъ, Пушкинъ и многіе другіе, игравшіе впоследствии болѣе или менѣе важную роль въ государственномъ управленіи. Декабристы были, однимъ словомъ, представителями тогдашней русской интеллигенціи, слишкомъ далеко опередившіе не только массу народа, но и большинство такъ-называемаго образованнаго общества, и хотѣвшіе — въ этомъ состояла ихъ вина — увлечь его за собою путемъ насилія, военной революціи.

Общество Петрашевскаго, появляющееся черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ декабристовъ, играетъ, сравнительно съ ними, роль совершенно второстепенную; насколько можно судить по тѣмъ далеко не полнымъ свѣдѣніямъ, которыя мы о немъ имѣемъ, оно не задавалось никакою опредѣленною цѣлью и едва ли даже можетъ быть названо тайнымъ обществомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Какъ бы то ни было, многіе изъ его членовъ безспорно возвышались надъ общимъ уровнемъ тогдашняго общества: достаточно назвать Ѳ. Достоевскаго и Толя. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ спискѣ лицъ, осужденныхъ за политическія преступленія — впрочемъ не за составленіе тайныхъ обществъ — встрѣчаются еще имена, болѣе или менѣе громкія въ литературѣ; но это продолжается весьма недолго. Намъ неизвѣстно съ точностью судебное производство по дѣлу о лицахъ, обвинявшихся въ принадлежности къ обществу «Земля и воля»; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что подсудимыми по этому дѣлу были почти исключительно очень молодые люди, ничѣмъ незааявившіе своихъ правъ на политическую дѣятельность. То же самое, кажется, можно сказать и объ обнаруженномъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ обществѣ съ цѣлью отдѣленія Сибири.

О тайныхъ обществахъ 1866-го и 1869-го годовъ мы имѣемъ опредѣленные свѣдѣнія; и что же мы изъ нихъ видимъ? Верховный уголовный судъ 1866-го года постановилъ два приговора: первымъ былъ присужденъ къ смертной казни Каракозовъ и оправданъ обвинявшійся въ сообществѣ съ нимъ Кобылинъ, вторымъ разрѣшена участь остальныхъ 34-хъ подсудимыхъ, привлеченныхъ къ дѣлу. Изъ числа этихъ подсудимыхъ въ государственномъ преступленіи обвинено было только тринадцать: всѣ прочіе или были оправданы, или признаны виновными въ принадлежности къ тайному обществу безъ знанія его цѣли, или осуждены за другія, не-государственные преступленія. Старшему изъ осужденныхъ государственныхъ преступниковъ было только 26 лѣтъ; четверо изъ нихъ не достигли еще двадцати одного года; средній ихъ возрастъ—22½ года. Ни одинъ изъ нихъ не занималъ сколько-нибудь вліятель-

наго положенія въ обществѣ; только одинъ или двое, по словамъ защитниковъ, отличались отъ другихъ умомъ и дарованіями. Однимъ словомъ, тайное общество не имѣло ни внѣшней, ни внутренней силы, и цѣли, къ которымъ оно стремилось, мало соответствовали средствамъ, которыми оно располагало. Совершенно опредѣленныхъ, ясно сознанныхъ цѣлей оно впрочемъ не имѣло. Мы уже видѣли, что большая часть предложеній, сдѣланныхъ на собраніяхъ общества, приняты не были; по нѣкоторымъ изъ нихъ безъ общаго согласія были дѣланы приготовленія; самыя безнравственныя, самыя тяжкія преступленія были задуманы не на общихъ сходкахъ, а на совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами. Шагановъ—сказано дальше въ приговорѣ верховнаго суда—составлялъ проектъ устава «организациа»; Николаевъ также составилъ проектъ устава; Мотковъ исправлялъ проектъ устава, составленный Ермоловымъ (слѣдовательно уже третій) и хранилъ проектъ написанный Шагановымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для противодѣйствія насильственному перевороту; Юрасовъ и Загibalовъ были членами общества, имѣвшими полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ его, но не выказавшими никакой особой дѣятельности. Если прибавить къ этому извѣстный намъ уже фактъ, что Малининъ, Ивановъ и Лапкинъ старались разстроить организацию, препятствовали ей сходкамъ и образовали кружокъ, ей враждебный, то мы получимъ полную картину неурядицы, царствовавшей въ этомъ обществѣ, безсилія, бывшаго отличительною его чертою.

Таковую же, въ главныхъ чертахъ, картину представляетъ намъ и общество 1869-го года. Судебная палата признала принадлежность къ тайному обществу тридцати одного подсудимаго ¹⁾. Изъ нихъ достигли зрѣлаго возраста только двое: Прыжовъ (42 лѣтъ) и Александровская (36 лѣтъ). Средній возрастъ остальныхъ двадцати девяти—23¹/₂ года; несовершеннолѣтнихъ между ними только три, но очень много молодыхъ людей двадцати одного года и двадцати двухъ лѣтъ. Шестнадцать членовъ тайнаго общества были слушателями Петровской Земледѣльческой Академіи, четверо—студентами московскаго университета, трое—студентами медико-хирургической Академіи. Изъ числа остальныхъ восьми, двое были приващиками въ книжномъ магазинѣ, одинъ занимался изысканіями на желѣзныхъ дорогахъ, одинъ—литературой; одинъ—овончившій курсъ гимназистъ безъ занятій, одинъ—нигдѣ неучившійся мѣщанинъ; изъ числа женщинъ, одна

¹⁾ Всѣхъ осужденныхъ подсудимыхъ 84, но Ткачевъ, Дементьева и Кошкинъ признаны виновными не въ принадлежности къ тайному обществу.

была повивальной бабкой въ провинціи, другая, полу-образованная мѣщанка, занималась переплетнымъ мастерствомъ. Привлечены къ дѣлу, но освобождены отъ слѣдствія обвинительной камерой или оправданы судомъ, были также почти исключительно очень молодые люди, болѣею частью неокончившіе еще курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾. Когда Печаяевъ и Кузнецовъ, за нѣсколько дней до раскрытія тайнаго общества, пріѣхали основать отдѣленіе его въ Петербургъ, къ кому они обратились? Опять-таки къ студентамъ, къ слушателямъ Технологическаго и Земледѣльческаго Институтовъ. Таковъ былъ личный составъ общества, такова среда, въ которой оно предполагало и на будущее время искать для себя членовъ.

Посмотримъ теперь, какъ оно дѣйствуетъ. Согласно съ старымъ рецептомъ, затасканнымъ въ архивахъ всѣхъ тайныхъ обществъ. Оно раздѣляется на кружки изъ пяти — шести человекъ; каждый членъ кружка обязанъ образовать вокругъ себя новый кружокъ, но только весьма немногіе приступаютъ къ исполненію этой обязанности. Во главѣ общества стоитъ кружокъ отдѣленія; какъ руководитель всего предпріятія, онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Есть ли въ его средѣ хотя одна выдающаяся личность, хоть одинъ человекъ, стоящій высоко надъ другими по своему положенію или по своимъ дарованіямъ? Мы видимъ прежде всего двухъ студентовъ Петровской Академіи, пользующихся нѣкоторымъ авторитетомъ между своими товарищами, но конечно лишенныхъ всякаго вліянія внѣ стѣнъ Академіи. Одинъ изъ нихъ, Кузнецовъ — человекъ впечатлительный, мягкій, слабый, имѣющій всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ въ какой-нибудь небольшой, скромной сферѣ — на примѣръ, въ земледѣльской ассоціаціи, о которой онъ мечталъ, — но неспособный ни къ борьбѣ, ни къ управленію рискованнымъ дѣломъ; другой, Ивановъ, знакомъ уже намъ отчасти какъ человекъ энергическій, но преданный всего больше академическимъ интересамъ и лишь случайно, по ошибкѣ взявшій на себя роль агитатора. Рядомъ съ Кузнецовымъ и Ивановымъ стоитъ Прыжовъ, человекъ съ пылкимъ воображеніемъ, но разбитый жизнью, болѣзненный, никогда неprobавшій своихъ силъ на другомъ поприщѣ кромѣ литературнаго, болѣе кабинетный ученый, чѣмъ практическій дѣятель. Еще менѣе понятно присутствіе въ кружкѣ отдѣленія Бѣлаевой, мало развитой, ничѣмъ незамѣчательной

¹⁾ Такъ, на примѣръ, изъ числа десяти подсудимыхъ второй группы, оправданныхъ судомъ — пять слушателей Петровской Академіи и четыре студента московскаго университета; между ними — двое несовершеннолѣтнихъ.

дѣвушки, которую самъ обвинитель призналъ заслуживающею полного, безграничнаго снисхожденія, которую судебная палата присудила въ низшему изъ всѣхъ наказаній, допускаемыхъ закономъ для членовъ тайнаго общества. Въ Успенскомъ, наконецъ, больше сосредоточенности, больше, можетъ быть, силы воли, чѣмъ въ товарищахъ его по кружку отдѣленія; но вѣдь и онъ человѣкъ очень молодой, не получившій полного образованія, занятый съ утра до вечера полу-механическимъ трудомъ, не имѣющій никакихъ связей въ московскомъ обществѣ, и въ концѣ концовъ являющійся ничѣмъ другимъ, какъ орудіемъ Нечаева, хранителемъ его тайнъ,—хотя и посвященнымъ въ нихъ только на половину,—и исполнителемъ его приказаній. Эта слабость личнаго состава не выкупается даже единодушіемъ: въ кружкѣ отдѣленія скоро возникаютъ несогласія, съ трудомъ подавляемые Нечаевымъ посредствомъ ссылки на авторитетъ незримаго и несуществующаго комитета. И эта мѣра, черезъ нѣсколько времени, оказывается недостаточною; для того, чтобы подавить оппозицію, Нечаевъ рѣшается прибѣгнуть къ убійству Иванова.

Чѣмъ же занимается кружокъ отдѣленія, что онъ успѣваетъ сдѣлать въ продолженіе своего полуторамѣсячнаго существованія? На этотъ вопросъ журналы кружка отдѣленія, прочитанные въ засѣданіи судебной палаты 8-го іюля, даютъ намъ отвѣтъ очень точный, но до невѣроятности странный—странный въ томъ отношеніи, что трудно представить себѣ болѣе полный контрастъ между важностью предположенной цѣли и ничтожностью средствъ, употребляемыхъ для ея достиженія. Мы находимъ здѣсь и свѣдѣнія о мнимыхъ знакомствахъ Кузнецова въ купеческомъ обществѣ Москвы, и предложеніе устроить литературный вечеръ для сбора денегъ, и какой-то неудобопонятный проектъ принсканія жениховъ и невѣстъ, то же съ цѣлью сбора денегъ—но не находимъ никакихъ серьезныхъ указаній на планы и предпріятія общества. Правда, въ засѣданіи 11-го октября кружокъ весьма серьезно *рѣшаетъ возбудить общественное мнѣніе*: но вѣдь это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, когда нѣтъ никакихъ къ тому средствъ, кромѣ нигуда негодныхъ прокламацій. Изъ протокола засѣданія 4-го ноября оказывается, что даже въ Петровской Академіи, давшей столько членовъ тайному обществу, не было достаточнаго оживленія; возбудить его предполагалось все съ помощью тѣхъ же самыхъ листовъ. Одинъ изъ членовъ кружка поступаетъ въ коммерческій клубъ, другой, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, намѣревается вести биржевую игру. Тотъ же членъ кружка, считающійся зна-

токомъ московской жизни, предлагаетъ поставить человека въ Каменному мосту и въ Охотномъ раду, гдѣ извозчики (!); и это наивное предложеніе остается, впрочемъ, безъ послѣдствій. Дѣятельность Бѣллевой ограничивается тѣмъ, что она записывается на женскіе курсы и вноситъ въ кассу общества одинъ рубль.

Однимъ изъ главныхъ занятій кружка отдѣленія было повидимому разсмотрѣніе представляемыхъ подчиненными кружками свѣдѣній о лицахъ, намѣченныхъ для присоединенія въ обществу; да и это было занятіе больше формальное, потому что допускалось принятіе въ общество даже лицъ подозрѣваемыхъ (хотя и безъ всякаго основанія) въ шпіонствѣ или крайней слабости на языкѣ. Довольно сильны были руководители общества только по части канцелярской формалистики: въ чемъ другомъ, а въ бланкахъ съ печатами, въ отчетахъ, въ шифрахъ, въ предписаніяхъ, въ именныхъ спискахъ—простыхъ и въ видѣ схемы—у нихъ не было недостатка. Въ іерархіи общества совершались безпрестанныя перемѣны; Кузнецовъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, перебивалъ членомъ простаго кружка, членомъ центрального кружка академіи, членомъ кружка отдѣленія; Рипманъ былъ переведенъ изъ центрального кружка академіи въ кружокъ Прыжова; одинъ изъ подчиненныхъ кружковъ академіи три раза перемѣнилъ своего представителя или президента. Когда кружокъ не могъ образоваться самъ собою, его образовали искусственно; такъ, на примѣръ, Прыжовъ никого не завербовалъ въ члены общества, но при немъ назначено было состоять Николаеву, Рипману, Коведяеву и П. Енгуватову. Свипскій былъ соединенъ такою же внѣшнею связью съ Кузнецовымъ.

Если такимъ образомъ велось дѣло въ центрѣ общества, то не трудно себѣ представить, что происходило внизу, въ кружкахъ первой степени. Члены кружка изрѣдка собирались по вечерамъ, иногда читали прокламаціи, говорили о томъ, кого можно было бы завербовать въ общество, и расходились, для того чтобы черезъ недѣлю или двѣ опять сойтись съ такимъ же точно результатомъ. Изъ числа двадцати девяти членовъ тайнаго общества, жившихъ въ Москвѣ, только семеро образовали около себя кружки; остальные не сдѣлали даже и этого. Прокламаціи они читали только въ своей средѣ, не съ цѣлью пропаганды, а чтобы познакомиться и познакомить другихъ съ курьезами заграничной печати ¹⁾. Это не предположеніе, а фактъ, признанный

¹⁾ Пимень Енгуватовъ, человекъ замѣчательно искренній и добросовѣстный, сравнилъ въ своемъ показаніи прокламацію «Народная расправа» съ тарантуломъ, на котораго смотрять съ отвращеніемъ, но съ любознательностію.

судомъ и самъ по себѣ вполне достовѣрный. Не говоримъ уже о томъ, что прокламаціи, ходившія по рукамъ въ Москвѣ, противурѣчили одна другой и выражали собою самыя различныя точки зрѣнія; гораздо важнѣе то, что онѣ не могли служить, по содержанию своему, программой той молодежи, изъ среды которой вербовались члены общества. Кто прочелъ или выслушалъ—въ особенности выслушалъ—со вниманіемъ все нечаевское дѣло, тотъ безъ сомнѣнія составилъ себѣ слѣдующее мнѣніе о массѣ участниковъ его. Никто изъ нихъ—никто безъ исключенія—не соединяетъ въ себѣ условій, изъ которыхъ слагается типъ заговорщика. Они не обладаютъ ни суровостью, ни выдержкою, ни беззавѣтною рѣшимостью, свойственными этому типу. Они не сожгли своихъ кораблей, не вышли окончательно на берегъ противоположный тому, съ котораго они отправились. Между ними и идеаломъ революціонера, начертанномъ въ извѣстномъ «кати-хизисѣ», нѣтъ ничего общаго¹⁾. Отличительныя ихъ черты—мягкость, доброта, сочувствіе ко всѣмъ тѣмъ, кто нуждается въ поддержкѣ, уваженіе къ знанію и наукѣ. Дарованій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, въ средѣ подсудимыхъ мы не замѣтили. Многіе изъ нихъ готовы пожертвовать собою для общаго блага, но какимъ образомъ? Не устремляясь въ отчаянную борьбу, не рискуя своею жизнью ради быстрого, случайнаго успѣха, а напротивъ, посвящая ее всю скромному, мало замѣтному, если можно такъ выразиться—чернорабочему труду на пользу народа. У нѣкоторыхъ это стремленіе доходитъ до аскетизма, до рѣшимости отречься отъ всѣхъ удобствъ, отъ всѣхъ удовольствій общественной жизни, отъ всего того, что проводитъ границу между человѣкомъ образованнаго класса и простымъ рабочимъ. Такіе люди гораздо болѣе способны снизойти на одинъ уровень съ народомъ, для того чтобы постепенно подниматься вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ мечтать о насильственномъ, внезапномъ поднятіи его на одинъ уровень съ собою. Рядомъ съ этими энтузіастами мы видимъ людей, идущихъ по той же дорогѣ, но болѣе спокойнымъ шагомъ, менѣе расположенныхъ къ самоотверженію, но столь же далекихъ отъ насилія: сюда принадлежить большинство подсудимыхъ второй группы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что отъ нихъ рѣзко отдѣляется князь Черезовъ, что это революціонеръ по натурѣ, непрочувенный

¹⁾ Замѣчательно, напримѣръ, что семейныя чувства, отвергаемыя катихизисомъ революціонера, сильно развиты у большинства подсудимыхъ. Пропорція женатыхъ между ними такъ велика, какъ едвали въ другомъ равномъ числѣ молодыхъ людей одного съ ними положенія и возраста.

опытомъ 1866-го года, закаленный въ заговорахъ и занимающійся ими какъ искусствомъ, какъ профессіей. Но таковой выводъ былъ бы какъ нельзя менѣе вѣренъ. Князь Черкезовъ отличается отъ массы подсудимыхъ только двумя чертами: болѣе развитымъ самолюбіемъ и образованіемъ болѣе литературнымъ, чѣмъ научнымъ. Отсюда особенности его показанія передъ судомъ, болѣе богатаго обобщеніями и болѣе изящнаго по формѣ, но за то и менѣе естественнаго, чѣмъ всѣ другія. Вникая въ сущность этого показанія, нетрудно замѣтить, что кн. Черкезовъ столь же мало революціонеръ, какъ и остальные подсудимые его группы; оппозиціонное направленіе смѣшано въ немъ съ слишкомъ большой долей добродушнаго юмора, чтобы изъ него могъ выйти второй Нечаевъ. Наконецъ, на послѣднемъ планѣ картины, представляемой политическимъ процессомъ, стоятъ молодые люди, едва начинавшіе жить самостоятельную умственную жизнью и столь же далекіе отъ революціонныхъ идей, какъ и отъ всякаго другого опредѣленнаго убѣжденія ¹⁾).

Какая же изъ указанныхъ нами группъ могла усвоить себѣ тѣ мысли, крайнимъ, безобразнымъ выраженіемъ которыхъ служить прокламація «Народная расправа»? Эта прокламація была прочитана при закрытыхъ дверяхъ и не вошла въ составъ стенографическаго отчета; но общій характеръ ея достаточно извѣстенъ изъ показаній подсудимыхъ, изъ рѣчей обвинителя и защитниковъ. Скажемъ только, что она проповѣдуетъ, въ самой рѣзкой и вмѣстѣ съ тѣмъ пошлой формѣ, разрушеніе и убійство, не указывая даже началъ, во имя которыхъ должно быть пролито столько крови ²⁾. Она можетъ увлечь политическихъ кондоттьери, разсчитывающихъ воспользоваться всеобщимъ смятеніемъ для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, или грубыхъ фанатиковъ, одинаково чуждыхъ гуманности и науки; кто не ослѣпленъ невѣжествомъ или корыстными интересомъ, тотъ отвернется отъ нея съ презрѣніемъ или негодованіемъ. Перейти въ нѣсколько недѣль отъ научныхъ занятій, отъ мирныхъ плановъ дѣятельности на пользу народа къ дикимъ тенденціямъ «Народной расправы»—абсолютно, физически невозможно, и мы вполне убѣждены, что этотъ переходъ не совершился. Мы вполне вѣримъ показаніямъ подсудимыхъ, изъ которыхъ видно, что «Народная расправа» была пущена въ ихъ среду Нечаевымъ какъ пробный шаръ, какъ

¹⁾ Большинство молодыхъ людей этой категоріи оправданы судебною палатою.

²⁾ Во второмъ номерѣ «Народной расправы» есть нѣчто похожее на программу, но онъ напечатанъ, какъ видно по содержанию его, уже послѣ открытія общества и арестованія всѣхъ его членовъ.

способъ опредѣлить силу революціоннаго пламени, которымъ они объаты, — и что результатъ этой пробы былъ неблагопріятенъ для Нечаева, что никто изъ читавшихъ «Народную расправу» не выразилъ готовности встать подъ ея кровавое знамя. Можетъ быть, Нечаевъ не терялъ надежды измѣнить постепенно это настроеніе умовъ, довести своихъ послѣдователей до уровня «Народной расправы»; но до поры до времени онъ очевидно считалъ нужнымъ скрывать свою игру, чтобы не испортить ее сразу. Это подтверждается и тѣмъ, что онъ никому не сообщалъ свой катихизисъ революціонера — члены общества не были еще достойны познакомиться съ нимъ, — и тѣмъ, что въ правилахъ организаціи предписывалось не убѣждать, а только сплочивать будущихъ ея членовъ, т.-е. соединять ихъ внѣшнею связью, опутывать ихъ сѣтью, изъ которой потомъ трудно было бы вырваться. Но какъ же объяснить, что столь многіе позволили опутать себя этою сѣтью? Чтò заставляло молодыхъ людѣй, имѣвшихъ такъ мало общаго съ Нечаевымъ, вступать въ устраиваемую имъ организацію? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить отчасти все сказанное нами въ предыдущей главѣ; но есть еще другая сторона дѣла, не менѣе важная и ярко рисующая способъ образованія тайныхъ обществъ.

До появленія Нечаева въ Москвѣ никто изъ подсудимыхъ не принадлежалъ къ тайному обществу и не думалъ объ образованіи его; но въ атмосферѣ, среди которой они жили, было, какъ мы уже знаемъ, много элементовъ, располагающихъ къ неудовольствію. Какъ воспользовался этими элементами Нечаевъ — это мы также уже видѣли; но вотъ на чемъ останавливается теперь наше вниманіе. Когда передъ молодыми людьми, далекими до тѣхъ поръ отъ всякой политической агитаціи, возникаетъ въ первый разъ вопросъ о тайномъ обществѣ, никто изъ нихъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета ни въ цѣли, съ которою оно основано, ни въ средствахъ, которыми оно должно дѣйствовать. Сомнѣнія, съ которыми они относятся сначала къ предложенному имъ дѣлу, встрѣчаютъ таковой отвѣтъ: «дѣло это предпринято на пользу народа — вы всегда хотѣли служить народу — неужели вы откажетесь отъ этого случая исполнить ваше намѣреніе только потому, что согласясь, вы подвергли бы себя нѣкоторому риску?» Этотъ отвѣтъ, вѣрно рассчитанный на самую лучшую, какъ и на самую слабую сторону молодого ума, дѣйствуетъ почти неотразимо; осторожность откладывается въ сторону, но остается желаніе знать, въ чемъ же собственно заключается рискованное предпріятіе? «Объяснять это всѣмъ и каждому» — таковъ слѣдующій отвѣтъ — «нельзя безъ явной опас-

ности для дѣла; не всѣмъ же быть генералами и командовать, нужно умѣніе безусловно повиноваться, какъ повинуются солдаты; знакомство съ дѣлами общества — награда за дѣятельность въ его пользу и знакъ довѣрія къ тѣмъ, кто доказалъ ему свою преданность на самомъ дѣлѣ. Не даромъ же правила организаціи проповѣдуютъ *доверіе къ личности*, какъ главное основаніе общества и первую обязанность его членовъ». Но какими же силами располагаетъ общество — спрашиваетъ далѣе неопитъ, — гдѣ ручательство въ томъ, что оно можетъ что-нибудь сдѣлать? Тогда передъ неопитомъ развертывается самая широкая картина. Вся Россія въ нашихъ рукахъ, говорятъ ему; общество распространено вездѣ, въ Москвѣ только центръ одного изъ его отдѣленій, всѣхъ отдѣленій девять или десять; эмиссары общества разъѣзжаютъ по всѣмъ губерніямъ, гдѣ проявляется неудовольствіе противъ правительства; члены организаціи набираются изъ всѣхъ классовъ и сферъ общества; дѣлами организаціи управляетъ центральный комитетъ, состоящій въ свою очередь въ близкой связи съ европейскимъ или международнымъ революціоннымъ комитетомъ. Рядомъ съ этой фантазмагоріей идутъ увѣренія то устрашающаго, то успокоительнаго свойства. «Кто не съ нами, — говорятъ аффилиаторы, — тотъ противъ насъ; только члены общества могутъ избѣгнуть гибели при первомъ народномъ возстаніи, время котораго уже недалеко. Кто съ нами, тому нечего бояться; его имя будетъ извѣстно только членамъ центрального комитета и тѣмъ членамъ общества, черезъ посредство которыхъ онъ придетъ; каждый членъ общества получаетъ другое имя или номеръ, подъ которымъ онъ сносится съ кружками, стоящими непосредственно выше и ниже его; никакихъ поименныхъ списковъ не ведется, для корреспонденціи употребляются особые шифры» ¹⁾).

Устроивъ общество, Печаевъ принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы поддержать въ его членахъ вѣру въ его могущество и многочисленность. Члены общества получаютъ предписанія на бланкахъ комитета, съ печатью, надписью: «великорусскій отдѣлъ» и исходящимъ номеромъ; въ собранія кружковъ является то мнимый депутатъ отъ женевскаго комитета (Лиху-

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что всѣ эти увѣренія оказались несправедливыми; поименный списокъ членовъ общества былъ веденъ и найденъ при обыскѣ, отмітки, написанныя шифромъ или состоявшія изъ условныхъ знаковъ, были разобраны при помощи самого Успенскаго — да наконецъ, и нѣтъ такого шифра, который рано или поздно не могъ бы быть угаданъ или разобранъ.

тинъ), то мнимый уполномоченный центрального комитета (Николаевъ). вмѣстѣ съ тѣмъ Нечаевъ заботится и о томъ, чтобы окружить обаяніемъ свое собственное имя; какія онъ для того употребляетъ средства — это конечно памятно читателямъ изъ блестящей характеристики Нечаева, начертанной г. Спасовичемъ въ его рѣчи за Кузнецова. Несмотря на всѣ эти искусственныя подпорки, общество колеблется и близится къ распаденію, едва просуществовавъ нѣсколько недѣль, — колеблется именно потому, что многимъ изъ его членовъ становится въ тягость неловкое и фальшивое положеніе, въ которое они себя необдуманно поставили. Въ эту критическую минуту совершается убійство Иванова, за которымъ почти непосредственно слѣдуетъ арестованіе Успенскаго и раскрытіе тайнаго общества.

Всѣ эти факты, почерпнутые нами изъ дѣла, показываютъ съ поразительною ясностью, какаю громадную роль принадлежала въ образованіи тайнаго общества 1869-го года съ одной стороны обману, съ другой стороны — довѣрчивости и самообольщенію. Это и не могло быть иначе. Самый увлекающійся и пылкій юноша сознаетъ, хотя и смутно, что преобразование общества и государства не по силамъ горсти людей безъ вліянія, безъ опытности, безъ матеріальныхъ средствъ, горсти людей, взятыхъ изъ одной только малочисленной и слабой общественной сферы. Готовый применить къ рискованному дѣлу, онъ предполагаетъ однако, что оно задумано и предпринято съ достаточнымъ запасомъ силъ и достаточными шансами успѣха; онъ не сдѣлалъ бы рѣшительнаго шага, еслибы зналъ, что всѣ участники въ дѣлѣ похожи на него самого и что оно не имѣетъ другой, болѣе реальной поддержки. Одна изъ нашихъ газетъ, обсуждая нечаевское дѣло, обратила вниманіе на то, что въ Западной Европѣ учащаяся молодежь ограничивается участіемъ въ политическихъ движеніяхъ, начавшихся помимо нея, и только у насъ беретъ на себя ихъ инициативу. Замѣчаніе это совершенно справедливо; необходимо только прибавить, что, начиная агитацію, наша учащаяся молодежь дѣйствуетъ подъ вліяніемъ недоразумѣнія; она воображаетъ, что впереди ея стоитъ другая мощная, руководящая сила — а на самомъ дѣлѣ оказывается, что роль этой силы разыгрываетъ какой-нибудь Нечаевъ. Между тѣмъ, никакихъ гарантій противъ такой ошибки или такого обмана при образованіи тайнаго общества нѣтъ и быть не можетъ. По самому своему свойству, оно всегда обращается къ довѣрію своихъ членовъ, всегда раскрываетъ передъ ними только небольшую часть своей тайны. Съ другой стороны, оно всегда заинтересовано выставять себя въ свѣтѣ какъ можно болѣе

выгодномъ и грозномъ. Руководители его скрываютъ или преувеличиваютъ истину не только въ сношеніяхъ съ своими подчиненными, но и въ сношеніяхъ между собою; мало того — они расположены обманывать самихъ себя. Мы приведемъ этому только одно доказательство. Въ одной изъ посмертныхъ статей Герцена приведенъ разговоръ его съ Огаревымъ, Б. (Бабунинымъ?) и уполномоченнымъ общества «Земли и воли» (въ 1862 году). На вопросъ, сдѣланный послѣднему: много ли васъ? онъ отвѣчалъ: «Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ». — «Ты вѣришь?» спросилъ потомъ Герценъ Огарева. Тотъ промолчалъ. — «Ты вѣришь?» спросилъ онъ Б. — «Конечно; *ну нѣтъ теперь столько, такъ будутъ потомъ*», и Б. расхохотался. — «Это другое дѣло». — «Въ томъ-то все и состоитъ, чтобы поддержать слабыя начинанія; если бы они были вѣрны, они и не нуждались бы въ насъ», замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный скептицизмомъ Герцена. — Вотъ процессъ образованія тенденціозно-невѣрныхъ свѣдѣній о силахъ тайнаго общества, скопированный прямо съ жизни. Удивляться ли, послѣ того, что Нечаевъ, обманывая своихъ сообщниковъ въ Россіи, хотѣлъ обмануть и жевневскихъ друзей своихъ вѣстью о небывалыхъ успѣхахъ своей пропаганды (см. показаніе Прыжова)?

Другая, еще болѣе серьезная опасность, коренящаяся въ самой природѣ тайнаго общества, заключается въ томъ, что оно можетъ завлечь своихъ членовъ совсѣмъ не туда, куда они предполагали идти, поступая въ его среду. Нечаевскій процессъ служить самымъ яркимъ примѣромъ того, какое разстояніе можетъ отдѣлять руководителя организациі отъ второстепенныхъ членовъ, едва посвященныхъ въ ея тайны. Послѣдніе могутъ мечтать о мирной социальной пропагандѣ въ то самое время, когда первый прискиваетъ средства къ осуществленію на дѣлѣ принциповъ «Катихизиса революціонера» и «Народной расправы». Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, однако, разстояніе между тѣмъ и другими можетъ уменьшиться, уничтожиться съ страшною быстротою. Настоящая цѣль общества можетъ внезапно раскрыться передъ тѣмъ, кто еще наканунѣ не подозрѣвалъ о ея существованіи; неожиданность, необходимость немедленнаго рѣшенія, ложное чувство долга, ложный стыдъ, наконецъ страхъ таинственной и неизбѣжной кары — все это можетъ сдѣлать человѣка, виновнаго только въ необдуманности, человѣкомъ глубоко-преступнымъ. Предполагалъ ли Кузнецовъ, вступая въ общество въ концѣ сентября, что меньше чѣмъ черезъ два мѣсяца онъ сдѣлается сообщникомъ убійства, жертвой котораго будетъ его то-

варищъ, участникъ его великодушныхъ плановъ, человекъ в сущности гораздо болѣе ему дорогой и близкій, чѣмъ распорядитель убійства, Нечаевъ? Показатость, по которой такъ быстро такъ незамѣтно для самого себя спустился Кузнецовъ, лежитъ во мракѣ передъ ногами каждаго вступающаго въ тайное общество, безъ точнаго знанія его средствъ и его цѣли — а такое знаніе, какъ мы уже видѣли, въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно. Ни въ одномъ изъ четырехъ второстепенныхъ участниковъ убійства Иванова не заглохло гуманное чувство, заставляющее насъ уважать личность, жизнь человека; надъ каждымъ изъ нихъ — не исключая и того, который на судѣ старался оправдать свой поступокъ — воспоминаніе о 21-мъ ноября тяготѣетъ съ неуменшающеюся силой; но не въ этомъ ли именно контрастѣ между преступниками, заслуживающими сожалѣнія, и преступленіемъ, возбуждающимъ ужасъ, заключается поучительный смыслъ катастрофы 21-го ноября? Чѣмъ честиѣе натура преступника, тѣмъ ненавистиѣе условія, которыя довели его до преступленія; а кто изъ вступающихъ въ тайное общество можетъ быть увѣренъ въ томъ, что эти условія для него не повторятся, что за потерю нравственной свободы, за отдачу себя во власть незримаго авторитета, ему не придется заплатить такою же дорогою цѣною, какую заплатили и платятъ Кузнецовъ, Прижинъ, Николаевъ, Успенскій? Не говоримъ объ участи Иванова; и тѣхъ, къ кому мы обращаемся теперь, она конечно менѣе страшна, чѣмъ участь названныхъ нами подсудимыхъ.

Но если тайныя общества послѣдняго десятилѣтія были лишены всякой внутренней силы, если для образованія ихъ необходимо было употреблять самый грубый обманъ, если они составлялись почти исключительно изъ лицъ умственно несозрѣвшихъ и находились подъ властью людей нечаевскаго типа, то нельзя ли объяснить это случайностью, которая можетъ и повториться? Нѣтъ ли основанія предполагать, что въ русскихъ обществахъ могутъ найтись матеріалы для болѣе серьезной, болѣе обширной тайной организациі съ политическою цѣлью? И въ эти вопросы нельзя, по нашему глубокому убѣжденію, отвѣчать иначе какъ отрицательно. Тайныя общества могутъ достигнуть извѣстной степени развитія и силы только тогда, когда элементы для самостоятельной дѣятельности частныхъ лицъ въ сферахъ государственной жизни уже существуютъ, а возможности для открытаго проявленія этой дѣятельности еще рѣшительны. Въ концѣ царствованія Александра I-го передовые русскіе люди усвоили себѣ нѣкоторыя изъ западно-европейскихъ идей, познакомились съ свободными учрежденіями Франціи I

Англіи, и воспитали себя настолько, что это знакомство не могло оставаться въ нихъ мертвою буквой, какъ въ поверхностно-просвѣщенныхъ вельможахъ временъ Екатерины; между тѣмъ, для примѣненія ихъ образа мыслей въ дѣйствительной жизни не было никакихъ законныхъ путей — печать была въ младенчествѣ, отправленіе суда зависѣло отъ канцелярій, крѣпостное право было въ полной силѣ, единственными органами самоуправленія (какими — это слишкомъ извѣстно) были дворянскія собранія. Мы знаемъ, что нѣкоторые изъ декабристовъ пытались быть полезными, не сходя съ почвы закона (припомнимъ, на примѣръ, поступленіе Пущина въ члены надворнаго суда, Рыльева — въ уголовную палату), но такія попытки, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, заранѣе были обречены на неудачу. Какъ ни тяжелъ для русской мысли послѣдующій періодъ нашей исторіи, онъ создалъ одно убѣжище для умовъ, опередившихъ развитіе общества — литературу, въ особенности періодическую. Уже въ сороковыхъ годахъ, несмотря на всѣ цензурныя стѣсненія, она вырабатываетъ нѣчто похожее на легальную оппозицію — а параллельно съ развитіемъ легальной оппозиціи всегда и вездѣ идетъ обратное движеніе въ области тайныхъ политическихъ организацій. Реформы послѣднихъ десяти лѣтъ произвели въ этомъ отношеніи перемѣну еще болѣе рѣшительную. Многіе изъ тѣхъ элементовъ, для которыхъ пятьдесятъ, даже двадцать лѣтъ тому назадъ было мѣсто только въ тайномъ обществѣ, находятъ теперь хоть нѣкоторый просторъ въ различныхъ сферахъ дѣятельности, признаваемой закономъ и постоянно распространяемой все дальше и дальше. Съ другой стороны, историческій опытъ доказываетъ все съ болѣею и болѣею ясностью невозможность или по крайней мѣрѣ безцѣльность крутыхъ переворотовъ, если они не вытекаютъ сами собою изъ измѣнившагося состоянія умовъ или изъ измѣнившагося отношенія общественныхъ силъ. Въ примѣненіи къ Россіи, тотъ же опытъ свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи матеріаловъ и условий для насильственнаго переворота. При такомъ положеніи вещей, членами тайныхъ обществъ у насъ могутъ быть только люди незнакомые съ жизнью, съ Россіей. Неужели та часть молодежи, которая до сихъ поръ почти одна поставляла изъ своихъ рядовъ рекрутъ въ тайныя общества, не убѣдится наконецъ въ бесплодности жертвъ, которыхъ они ей стѣбуютъ? Среда, въ которой столько любви въ труду, въ наукѣ, столько искренней готовности служить народу, сблизаться съ нимъ, изучать его потребности и чувства, способна на нѣчто лучшее, чѣмъ на повтореніе безнадежныхъ политическихъ экспериментовъ. Работы серьезной ей предстоитъ

много; нѣтъ ни одной отрасли общественной дѣятельности, которая не нуждалась бы настоятельно въ честныхъ, свѣжихъ силахъ. Пускай же ни одна изъ этихъ силъ не отвлекается отъ своего настоящаго призванія ни недовѣріемъ, ни увлеченіемъ, слишкомъ часто зависящими одно отъ другого.

Тайное общество есть отрицаніе закона; лучшій оплотъ противъ тайныхъ обществъ — безусловное господство закона, всестороннее уваженіе къ нему, искреннее и послѣдовательное примѣненіе его ко всѣмъ областямъ общественной жизни, въ особенности къ большимъ мѣстамъ, къ слабымъ сторонамъ ея. Нападеніе на государство, какъ и на всякій другой живой организмъ, всегда вызываетъ съ его стороны реакцію противъ нападающаго; и съ этой точки зрѣнія крутой поворотъ назадъ, вездѣ и всегда слѣдующій за крупнымъ политическимъ преступленіемъ, представляется явленіемъ совершенно естественнымъ, хотя и прискорбнымъ. Но по минованіи первыхъ тревожныхъ минутъ, движеніе впередъ, прерванное преступной попыткой, опять вступаетъ въ свои права и успокоиваетъ умы гораздо вѣрнѣе, чѣмъ продолжительное напряженіе всѣхъ карательныхъ и предупредительныхъ силъ государственной власти.

К. Арсеньевъ.
